

АРИНА РОЗ

ВОЙНА
С
КУРТИЗАНКОЙ

Арина Роз

Война с куртизанкой

«Автор»

2026

Роз А.

Война с куртизанкой / А. Роз — «Автор», 2026

— Подите вон отсюда, распутница!— Не смейте трогать меня!Он смотрел на нее так, словно ненавидел всей душой.А ведь когда-то любил.— Вам лучше покинуть город, госпожа Санвитале.— Или что?

_____ Марина - современная женщина, руководитель костюмерного цеха, гордая и независимая.Неожиданно она просыпается в чужом теле.В роскошной спальне. В другом мире. В другой эпохе.Теперь она - Бьянка Санвитале.Красивая, богатая и проклятая всем городом.Ее отец обвинен в воровстве и убийстве, покончил с собой.Имя семьи смешано с грязью.А она... - честная куртизанка под покровительством влиятельного патриция. Гвидо Брентано - ее бывший жених - теперь хочет изгнать ее из города.Она позорит его просто своим присутствием.Он готов уничтожить ее.Но Марина не та, кто сдается.Она не помнит прошлого Бьянки.Зато умеет считать деньги.Видит ложь.И не боится идти против правил.

© Роз А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золотой ликер	5
Глава 2. Подмена	7
Глава 3. Я кто?!	9
Глава 4. А девочка - не дура	11
Глава 5. Что я ему сделала?	13
Глава 6. Бал сплетен	15
Глава 7. Танцы и скандал	17
Глава 8. Домой в слезах	19
Глава 9. Честная куртизанка	21
Глава 10. Та история	23
Глава 11. Как голая	25
Глава 12. Даже торговки не уважают	27
Глава 13. Свечку держала	29
Глава 14. Предательство	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Арина Роз

Война с куртизанкой

Глава 1. Золотой ликер

Голос звучал пьяно, в воздухе витали алкогольные пары, звенел смех и гремела музыка.

— Слушайте, да сделайте тише!

В ответ гаркнули:

— Не душни, у всех праздник, дай оторваться!

Марина тоже рассмеялась. Любительницей громких гулянок она не была, но тут и правда весомый повод, такой контракт, такой бюджет!

— Правда, Гриш, не мешай развлекаться. — Она наклонилась к уху начальнику декорационной группы. — Нам еще год вместе пахать, не порти отношения с ними.

«Они», звуковики, были народом вредным, ей ли не знать. Сама Марина заведовала тихими костюмерами, молодыми мышками и солидными дамами, влюбленными в историю. Молодежь, отвечавшая за звук, была представлена разбитными парнями, и тем палец в рот не клади.

— Да чего там портить? — Гриша отмахнулся и потянулся за бутылкой. — Что могли давно испортили...

Марина разглядела на этикетке тисненые золотом буквы и протянула свой бокал с ромом, ей давно хотелось попробовать такой. Жидкость плеснула по стеклу, оставляя маслянистые разводы, и после первого же глотка ей вдруг повело голову, да так, что пришлось откинуться на спинку стула и закрыть глаза. Шум стал проваливаться в темноту и затихать.

Первым было ощущение — что-то мягкое и одновременно колкое под ладонью. Пальцы невольно сжались, сминая... ткань. Да, ткань. Под закрытыми веками закружились образцы, отрезки разнообразных цветов и оттенков, структуры и длины. Никакой синтетики, это точно, это натуральные волокна. Тонкое полотно было почти нежным, но на кромке сменялось чем-то узорчатым и фактурным. Марина задумалась на миг. Кружева?

Это было странно настолько, что глаза открылись сами собой. И веки тут же заморгали часто-часто от изумления. Просторная комната была наполнена мягким светом. Окна, за которыми было определено светло, оказались прикрыты длинными шторами сочной расцветки. По краям это, кажется, была тканая золотом парча, а сами створки окон, высокие и узкие, прикрывали нежно-бежевые и золотистые волны муарового шелка.

Марина лежала на просторной кровати с плотным и туго сбитым матрасом под шикарным бархатным балдахином, пыльным, как будто он провалялся никому не нужный на складе лет двадцать. В кадре будет смотреться жутко! Кто такое разрешил повесить? И вообще, что это за декорации? Почему на ней длинная белая полотняная сорочка, вышитая колким жестким кружевом?

Она села так резко, что на пару секунд закружилась голова. К горлу подкатила тошнота, веки были припухшие, ужасно хотелось пить. Ах да, они же пили вчера и отрывались от души, отмечали начало съемок исторического сериала. Бюджет выбрали больше, чем надеялись получить. Договоры с осветителями, строителями, электриками и прочими мастерами были уже практически подписаны. Контракт на их цех исторических костюмов тоже лежал на столе директора, ожидая последнего росчерка. Чертова уйма работы и такая же уйма денег, все чуть на ушах не стояли. Ведь ходили слухи, что съемки вообще свернут, не начав. То есть погуляли на все, в кайф, но куда ее, собственно, занесло? Или занесли? Это какой-то дурацкий

розыгрыш, наверное... Неужели она настолько напилась, что заснула прямо на стуле, а шутники-коллеги оттащили ее в подготовленную для съемок комнату?..

Марина откашлялась и огляделась еще раз. Вот надо было так набраться... Но даже в таком состоянии было видно, что секция декораторов тут потрудились на славу. Когда Марина только собиралась в костюмеры, запоем читала книги и изучала не только энциклопедии, но и исторические документы, летописи, картины — все, где были изображения одежды, домов, городов, так скажем, с натуры. Ну, то, что зарисовали, написали, вырезали в камне прямо тогда, когда все эти платья носили и в таких каретах ездили. И потому оценить старания коллег могла в полной мере.

Но тут все было каким-то почти нарочито старинным. Дерево кровати не состаренное, а именно вековое, никаких реставраторских приемчиков, никакой подставы. Что, собирали по деревням и селам старинную мебель? Но она была совершенно не похожа на русскую, не на аукционах же вон тот шкаф и сундук покупали, и у коллекционеров не брали, кто отдаст кровать века так пятнадцатого для съемок?

Глубоко вздохнув, Марина нахмурилась. Несмотря на то, что тут было полно пыли, дышалось легко, и в воздухе ощущалось близкое присутствие воды. Воды? В павильоне? Да откуда ей тут быть?! Разве что рвануло трубу, но тогда и запах был бы другой, сырой, известковый, технический такой. В комнате же пахло солоноватым ветром, водорослями и мокрыми камнями. Да что вообще происходит?!

Она сидит в какой-то комнате — кстати, а где четвертая стена? Что, камеры прямо здесь поставили? Скрытые? Да быть не может, что за хрень! Марина поежилась и обняла себя руками. И тут же глянула на себя, оттянула ворот ночнушки и оторопела еще больше, под рубашкой больше ничего не было. Ее голую переодевали?! Господи...

Стук в дверь раздался так неожиданно, что Марина даже пискнула, подскочив на жестком, какими-то комками набитом матрасе. И онемела, когда услышала из-за чуть приоткрывшейся добротной деревянной двери:

— Госпожа, можно войти к Вам?

Женский голос, приятный, совсем молодой. Но Марину вдруг затрясло от страха.

— Госпожа?

Дверь приоткрылась еще чуть-чуть. Ладно, плевать, все равно надо выяснить, что за хрень вокруг творится. Марина глубоко вздохнула и ответила хрипло:

— Войдите.

Глава 2. Подмена

От слабого сквозняка шторы колыхнулись, и по комнате словно заплясали золотые зайчики. В дверях появилась девушка, и правда, совсем юная. В глаза Марине бросилось изумительно точно повторявшее средневековые зарисовки платье с белой кокеткой, воротником и свободными рукавами, прихваченными манжетами. Корсет-лиф облегал тонкую фигурку, юбка спускалась до самого пола. Неприязательный охристый цвет странно смотрелся на фоне богатых занавесей, покрывал и ее собственного нескромного одеяния, отделанного богатым кружевом.

— О госпожа! — Девчонка расплылась в счастливой улыбке и бросилась к постели. — Вы очнулись! А мы так тревожились...

— В смысле, тревожились? — похмелье, конечно, штука неприятная, но от этого, как правило, не помирают. — И вообще, хватит этого цирка на колесах, принесите мне одежду нормальную. Шутка затянулась.

Марина спустила с постели босые ноги и уставилась на них в замешательстве. Ноги были... не ее. То есть совсем не ее. Она не считала себя уродиной, совсем нет, и давно приняла тот факт, что природа поскупилась ей на рост. Эти же ноги были длинными и стройными, а руки, которыми она их трогала, как в трансе, молодыми и нежными. На пальцах посверкивали кольца с камнями, Марина такие видела только в исторических музеях. В вырезе рубашки виднелась упругая и высокая грудь с россыпью крошечных родинок слева.

Она сошла с ума.

Точно.

Окончательно.

Марина уставилась на девушку расширенными от ужаса глазами и взвизгнула каким-то истеричным, не своим голосом:

— Да что происходит, господи?!

Спустя четверть часа Марина все так же сидела на краю кровати. В ногах у нее всхлипывала служанка, назвавшаяся Мартой. Женская истерика оказалась штукой заразной. Только Марина тряслась от непонятного страха и бессилия, а девушка рыдала, как плакальщица на похоронах.

Вечно у Марины на руках оказывались такие вот ревуньи, которых приходилось утешать... Она слезла с постели и, ежась от холода каменных плит, добежала до стола, на котором стоял кувшин и два бокала густого багрового цвета на изящных чеканных ножках. Плеснув щедрой рукой в оба, Марина вернулась и протянула один девушке.

— Пей. Давай-давай! — Она втиснула бокал в ее руку и подтолкнула ко рту.

Сама глотнула из своего и тут же поперхнулась от неожиданности — вино! Слабенькое, кажется, разбавленное, но все-таки. Зато пары глотков хватило, чтобы тепло растеклось в груди, потекло по рукам. Быстро забравшись обратно на постель, чтобы не мерзли босые ноги, она уставилась на Марту.

— Что тут происходит?

Девушка подняла заплаканные глаза. Вино помогло и ей, слезы перестали течь, но голос звучал неуверенно и жалобно.

— Простите меня, госпожа Бьянка, чем бы я Вас ни прогневала...

— Почему ты меня называешь Бьянкой?

Вопрос вырвался раньше, чем Марина успела додумать мелькнувшую мысль. Она не в студии, она в доме, настоящем доме, полном старинных вещей. Запахи, свет, вещи — все другое, как и она сама. В зеркале Марина себя еще не рассматривала, но увиденного довольно,

чтобы понять: она изменилась, совсем, вся. Она — в чужом теле... И поэтому ответ Марты ее уже не удивил.

— Так как же, госпожа моя... Это же Ваше имя и есть... Вы не помните? — лицо служанки снова исказилось, губы задрожали, ресницы захлопали, как крылья бабочки.

— Нет! Только не плакать!

Марта замерла, как кролик перед удавом. Марина выдохнула и покачала головой, протягивая руку и трогая девушку за плечо.

— Я ничего не помню, да. Не плачь, я не сержусь. Просто ничего не понимаю. Ты давно мне служишь?

— Прямо с детства, госпожа. Матушка моя за Вами ухаживала, а я рядом росла, все видела и училась, и вот потом сама стала прислуживать... Боже великий, Вы меня правда не помните?

Марина посмотрела на нее снова и вместо ответа спросила:

— Почему ты так пугаешься, когда я кричу?

Марта пожала плечами, глядя преданными собачьими глазами снизу вверх.

— Так Вы сами столько раз говорили, что мы... дружим с Вами, госпожа... И никогда не кричали на меня, секреты рассказывали, верили всегда, а я ни разу Вас не подвела. А тут...

— Ясно...

Марина помолчала. Мысли в голове перестали метаться, как оглашенные. Она перебирала одну за другой, выстраивая новую картину мира. Ей приходилось читать всякие романы, где героини попадали в другие тела. Сказки, конечно, но было интересно. И вот теперь она, кажется, на своей шкуре проверит, сколько тут будет интересного.

Новый мир, другой, в прошлом. Да и вообще, ее ли это мир? Может, ее в какую-то фантастику занесло, а не в прошлое. Судя по обстановке, она богата, вероятно, знатна? Выживать и биться за кусок хлеба не придется. Но ее могут в два счета раскусить и признать ведьмой, укравшей личину этой самой Бьянки. И что тогда? Ее посадят в тюрьму? Сожгут на костре? Единственная ее надежда — вот эта заплаканная девушка, до сих пор сидящая на каменном полу. Она с Бьянкой с детства, все знает — и все ей расскажет.

Конфидентка. Отлично, это шанс! Как она сюда попала, Марина не имела никакого понятия, и как выбраться отсюда — тоже. Слезы и вырывание волос отложим на потом, подождет, есть дела поважнее.

— Марта... сядь не на пол, холодно... И дай мне... тапки, ну, на ноги что-то, а то я мерзну...

Девушка тут же подскочила, расправив в ногах своей госпожи пушистый коврик из шкуры какого-то лохматого животного, подставила маленькую скамеечку под ступни и укрыла их каким-то платком, а на плечи хозяйке накинула что-то вроде халата, сама же присела на вторую такую же скамеечку.

Марина вздохнула.

— А теперь расскажи мне... про меня.

Глава 3. Я кто?!

— Вы, госпожа, Бьянка Санвитале, дочь Луччано Санвитале, негоцианта, и Арианы Санвитале. Это ваш семейный дом, на самой красивой набережной стоит, хоть куда заплыви, не найдешь такую...

— Заплыви?

— Д-да, госпожа, тут плавают по каналам между домами... Вы это тоже забыли? — Марта все никак не могла поверить, что она ничего не помнит.

— Это Венеция?!

Марина не удержалась и спрыгнула с кровати, чтобы пробежать к окну и отдернуть штору. Вода и впрямь плескалось чуть не под окнами, на волнах искрились солнечные зайчики. Марта тут же поднялась, последовав за ней и подхватив сброшенный халат.

— Нет, это Терречча. Столица Веруццо. Вы тут с рождения жили... живете...

Но Марина никак не могла отделаться от ощущения, что она в Италии. То же яркое солнце, белые, розоватые и золотистые стены домов, мосты, перекинутые через широкий канал, вдалеке купола то ли дворцов, то ли церквей.

Терречча. Веруццо. Даже звучит как на итальянском! Марта продолжала рассказ, а Марина все смотрела на город. Столица государства, где правит дюк, Золотой совет старейших родов, наследственные династии, торговля... Она встряхнула головой, слыша шелест непривычно длинных вьющихся волос золотого цвета по плечам и спине. Огляделась еще раз.

Мало кто задумывается, как много можно узнать по одежде и посуде, по тканям и мебели, если знаешь, куда смотреть. Она знала. И выходило, что новое ее тело обитало веке этак в семнадцатом. Ничего особо хорошего это Марине не сулило...

— Сколько мне лет?

— Двадцать два, моя госпожа. — Кажется, Марта скоро привыкнет и перестанет удивляться.

Зато Марина не перестанет, наверное. Кто из женщин за тридцать не мечтает стать моложе? Свежая кожа, еще не тронутая первыми морщинками, легкость в теле, беспечность, мечтательность и порывистость юности... Кто не хотел иметь к этой молодости полные шкафы красивых платьев и море поклонников, спать на перинах и завтракать зефирками и шоколадом?

Но вот она, женщина как раз чуть за тридцать, стала юной красавицей на десять лет моложе, черт знает на сколько стройнее, нарядов у нее целая комната, шкатулки с драгоценностями по столикам у зеркал и какой-то знатный покровитель, ешь, что захочешь, и что?

Марина поежилась и плотнее завернулась в подобие халата. Марта все еще сидела у ее ног, преданно глядя хозяйке в глаза и ожидая распоряжений. А какие она ей распоряжения дать может? Кстати, а где ее отец и мать? От этой мысли у нее похолодело в груди и животе. Наверное, можно обмануть служанку, пусть и близкую, но родителей-то не обмануть! Ведь если у нее отшибло память, то двигаться по-другому она не должна, не должна иначе думать и говорить, а откуда ей знать, как эта Бьянка себя вообще вела?

— Марта, а скажи мне...

Но закончить Марина не успела. В дверь снова постучали.

— Да? — откликнулась она, не думая.

В этот раз в комнату заглянул немолодой и степенный слуга с седоватой бородой, в богатой ливрее, почтительно склонивший голову и, кажется, отводящий глаза от неприличного одеяния хозяйки.

— Госпожа Бьянка, прибыл скривани от Его Превосходительства. Он спрашивает, будете ли Вы любезны принять его.

Дворецкий застыл в полупоклоне, так и не поднимая глаз. У Марины мелькнула мысль, что вот так стоять в его возрасте, наверное, неудобно, а, может, и больно. Поэтому она ответила без лишних раздумий:

— Пусть заходит, я скоро... выйду. Проводите его... туда... где он там обычно ждет...

— В малую гостиную, госпожа, я понял.

Дворецкий исчез за дверью. Марина обернулась к служанке.

— Быстро, мне надо одеться. И кто этот... Его Превосходительство? А скривано... скривани? Чего он вообще от меня хочет? Рассказывай быстрее!

Марта кивнула и засуетилась, споро вытаскивая чулки и юбки, корсет и рубашку, туфли и накидку. Облачая хозяйку во все это кружевное и шелковое великолепие, она тараторила без умолку, окончательно вжившись в роль послушной рассказчицы.

— Его Превосходительство — это очень знатный господин из первых, «золотых» родов Терреччи, его зовут Эний Пере, он друг Вашего отца и Ваш покровитель.

— Покровитель?..

— Ну да, он присылает Вам скривани, когда передает деньги на дом, хозяйство, платья, лошадей... Не самому же ему приносить...

Шорох белой шелковой рубашки заглушил немного слова служанки, но Марина снова похолодела. «Покровитель»? У нее покровитель? У незамужних девушек в средние века покровители бывали только, когда они лишались родителей и не были замужем. И то, скорее, опекуны. Покровительствовали всяким там художникам, скульпторам, а не дочерям под попечением отцов.

— Отец позволил Его Превосходительству давать мне деньги на дом и платья? — Марина одернула ворот, расправила складки рукавов и выдохнула, когда Марта рывком стянула корсет. — Не так туго!

— Ой, простите, госпожа Бьянка...

Давление шнуров ослабло, позволив Марине вздохнуть.

— Ну? Отец позволил?

— Ваш отец всегда с большим доверием относился к Его Превосходительству, и, конечно, был не против Вашего с ним общения...

Богато расшитая юбка скользнула поверх полотняной белой, длиной оказавшись почти до пола. Корсет держал спину туго и ровно, топорщась золотой вышивкой по багровой ткани. Чулки плотно облегали ноги, непривычно мягкие и свободные. Ну да, синтетики тут нет, никакой тебе обтяжки. Бархатные туфельки, тоже вышитые золотом и мелкими камнями, поданные служанкой, сели точно по ноге. Каблучок оказался невысок и вполне устойчив.

Марина осторожно села в кресло, придвинутое Мартой к зеркалу.

— Позвольте я сколю волосы, госпожа Бьянка.

— Ты не ответила на мой вопрос. Причем тут общение? Почему не отец дает деньги на дом? Он уехал? Далеко, давно?

Через зеркало она увидела, как служанка все-таки побледнела, прижав кончики пальцев ко рту.

— Боже... И это Вы забыли... Батюшка Ваш, добрая госпожа, умер. Его Превосходительство взял Вас под покровительство, каковое положено любой честной куртизанке, Вы ведь сами его просили. Он в память о господине нашем принял Вас под свою руку...

— Куртизанке?..

Глаза у Марины округлились, как плоски, а к горлу подкатила дурнота.

— Куртизанке?!

Глава 4. А девочка - не дура

«Ни хрена ж себе... неделька начинается...» — Марина, все еще оглушенная, шла в сопровождении Марты, шепотом подсказывающей, куда повернуть в коридорах.

Она — куртизанка?! У нее умер отец, и она стала шлюхой?! Господи, кошмар какой... Это у нее любовники есть, или покровитель один? Да даже если один, она же с ним спать должна, не просто же так все эти шмотки и драгоценности!

Нет, собственно, ничего страшного в физической близости Марина не видела, но ведь это должно быть как-то по взаимному согласию, а она его не давала. Мало ли под кого согласилась лечь эта длинноногая Бьянка! А если этот Превосходительство старый урод? Сварливый и дрянной, злой, занудный, пахнущий вонючим козлом?!

Марина судорожно сжала руки, перстни больно впились в пальцы. Она не сможет. Даже если этот покровитель выглядит прилично и человек хороший, не сможет она. Лучше продаст все эти тряпки и камни и сбежит отсюда куда подальше. На простую жизнь в деревне ей же хватит, да?

Дворецкий, с поклоном открывающий двери, прервал ее мысли. Гостиная и правда оказалась малой: просторная, но не такая уж большая комната. С кресла, стоящего у небольшого столика, тут же поднялся сухопарый мужчина в коричневатом сюртуке и темных штанах, тут же склонивший голову.

— Рад видеть Вас в здравии, госпожа Санвитале.

Марина чертыхнулась про себя, болтушка Марта так и не сказала, как его зовут! А выкручиваться придется ей. Впрочем, это, кажется, только начало. Сколько раз ей придется ломать теперь мозги, чтобы не выдать себя?

— И я рада видеть Вас в моем доме, присаживайтесь.

Она приземлилась во второе кресло, удачно подобрав волны ткани и поставив ноги плотно вместе, а руки сложив на коленях. Скривани без имени дождался, пока она сядет и тоже сел.

— Желаете чего-нибудь? Марта. — Девушка обернулась к служанке. — Принеси мой любимый напиток и то, что пьет обычно наш гость.

Безымянный мужчина был, судя по всему, служащим. Эту ее догадку он и подтвердил тут же, положив на столик большой том. Его корешок был потертым и заломанным где-то на середине. Отогнувшаяся обложка позволила Марине заглянуть внутрь. Страницы были заполнены чернильными строчками: короткие записи и столбцы цифр. Гроссбух, наверное.

— Его Превосходительство приказал, чтобы я произвел подсчет расходов и привез Вам из банка золото. Позвольте вручить Вам его, госпожа?

Он приподнялся, чтобы дотянуться до плотного полотняного мешка, лежащего у его ног на полу. Марина чуть наклонила голову набок, улыбаясь.

— Не позвольте взглянуть? — Она протянула руку к книге.

— Вы хотите посмотреть... расчеты? — Изумление на лице скривани было совершенно неподдельным.

— Там же нет ничего секретного, правда? Это отчет о деньгах, которые мне поступили и которые я потратила, так?

— Э-э-э... Да...

— Так позвольте?

Мужчина послушно подвинул ей гроссбух ближе, открывая на странице, подписанной «D. L. Sanvitale». Взгляд девушки цепко заскользил по строчкам. Приход и расход. Остаток. Понятно. Она сама составляла что-то похожее, когда пыталась заниматься шитьем на дому.

— Это то, что остается после моих расходов за месяц?

Кончиком пальца Марина уперлась в строчку. Мужчина кивнул.

— Да, верно.

— Здесь есть остаток. И он больше, чем за предыдущий месяц.

— Остаток перечисляется на следующий месяц и остается в Вашем распоряжении, госпожа Санвитале.

— Он просто лежит на счете? Никаких процентов на него не начисляют?

Теперь мужчина моргал растерянно, как филин, которого выхватили светом из темноты. Марина больно сжала пальцы. Кажется, она что-то не то опять брякнула. Местным девицам, наверное, не положено знать о процентах и остатках... Хотя, папа у нас негоциант был, крупный торговец, значит, она вполне может быть в курсе.

— Когда-то отец, светлая ему память, учил меня этой премудрости. — Марина подняла взгляд к потолку и улыбнулась скривани. — И что-то я запомнила.

— Да, конечно...

— Так зачем он там остается?

Мужчина на пару секунд опустил глаза на ее платье, ниже декольте, и проговорил со всей возможной учтивостью:

— Его Превосходительство распорядился, чтобы деньги оставались у Вас... на непредвиденный случай...

— Непредвиденный? Поломка кареты, что-то такое?

Кажется, скривани еле заметно усмехнулся, но когда он посмотрел Марине в лицо, его собственное было совершенно спокойно.

— Вероятно, госпожа.

— Понятно. Я хотела бы распоряжаться этим остатком, если возможно. — Улыбка продолжала искриться у нее на губах. — Пожалуйста, найдите время, чтобы заехать ко мне и рассказать, куда я могла бы вложить эти средства.

Мужчина коротко склонил голову.

Короткий стук в дверь, и из-за створки показался дворецкий.

— Госпожа, если позволите, привезли Ваши наряды к балу.

Девушка на секунду зажмурилась. Господи ж ты боже мой... Какой еще там бал?! У нее к концу дня голова будет квадратная, а нервы — в хлам!

Скривани тут же поднялся, поднимая и свой мешок. Достав оттуда еще один, куда меньше, кожаный, стянутый крепкой веревкой, он положил его на край стола и поклонился.

— Не смею больше отнимать Ваше время, известите меня, когда будет удобен мой визит, госпожа Санвитале.

Марина тоже поднялась, и взгляд мужчины еще раз скользнул по ее талии.

— Конечно, благодарю Вас.

Так и оставшийся безмянным, скривани выскользнул за дверь, и туда сразу заглянула Марта.

— Иди сюда, живо! — Марина зашипела, а когда служанка подбежала, схватила ее за руку. — Какой еще, мать его, бал?!

Марта чуть не икнула, уставившись на хозяйку. Впрочем, ее, похоже, привела в ступор ругань благородной госпожи, а не ее забывчивость.

— Прости... — Марина даже чуть покраснела.

— Что Вы... все хорошо. — Марта присела в неглубоком реверансе.

— Что за бал?!

— В честь годовщины восшествия дюка, госпожа Бьянка. В городской ратуше.

Марина плюхнулась обратно в кресло.

Вот же твою мать...

Глава 5. Что я ему сделала?

Марина думала, что глаз не сомкнет после этого безумного дня, но заснула, стоило только устроиться на комковатом матрасе — прелая солома, отлично просто! — и закрыть глаза. Яркие пятна и чужие лица мелькали под веками дурным калейдоскопом пять секунд, а потом наступила блаженная темнота и тишина сна. Странно, но ее ничто не тревожило до самого утра, и проснулась девушка бодрой и даже улыбнулась солнечным лучам, пробравшимся за занавеску и прочертившим золотую дорожку на полу. Почему-то это солнечное сияние внушило ей надежду, что все будет хорошо, она справится, у нее все получится и ничего дурного не случится. Мечты, мечты...

Впрочем, первые три дня оказались не самыми сложными. Марине приходилось путешествовать, и убедить себя в том, что она просто переместилась на время в странное место, где все играют в средневековье, как реконструкторы, в общем, труда не составило. Да и осваиваться в доме становилось все проще. Забывчивость ей успешно помогала скрывать Марта, которая следовала за ней, как тень. Служанка наловчилась подавать ей знаки или подсказывать шепотом, сообщала имена всех, с кем Марине приходилось сталкиваться, и, кажется, тоже втянулась в эту абсурдную ситуацию — работать суфлером хозяйки.

Марине она нравилась, смышленная и веселая, разве что слишком чувствительная, но и Марта, похоже, привыкала к ней, к резким порой словам, нервным жестам и порой слишком мужским по местным меркам суждениям. Да, никаким феминизмом тут и не могло пахнуть, Марина напоминала себе об этом регулярно. Но сдерживаться было трудно. Ну представьте себе такую вот тридцатилетнюю ромашку, глядящую в пол и со всем покорно соглашающуюся, возглавляющую отдел в киностудии. Представили?

С другой стороны, Марину забавлял ее новый статус женственной девицы. Что-то в душе отзывалось и на прекрасные наряды, и на красивую посуду на столе, и на украшения, которые она примеряла у зеркала в спальне. Поручать, а не делать все самой тоже было приятно, что скрывать... Пока всерьез ее беспокоило только одно: Его Превосходительство Эний Пере, ее покровитель, которого она еще не видела. Ну, и статус куртизанки, само собой.

— Он часто приходит?

Марта покачала головой.

— Нет, госпожа, он бывает у Вас редко. Иной раз и по месяцу не заглядывает, если уезжает по делам.

Слава богу... Марина незаметно вздохнула. Кажется, знакомство пока откладывается.

— Правда, приезжает иногда внезапно...

Черт!

— А бывает, что и по несколько раз в неделю за Вами приезжает, если празднества, Вы его часто сопровождаете, коли он в городе в это время.

В груди у Марины подпрыгнула мерзкая скользкая жаба.

— Он приедет?!

— Нет, Его Превосходительство в последний раз сказал, что отбывает к восточным поселениям, недели на две.

Выдох. Вдох.

— Так что на бал Вы поедете без него, — закончила Марта, доставая из большого шкафа роскошное платье густого винного цвета, расшитое мелкими красными камнями по юбке и, кажется, жемчугом по лифу.

Бал. Он приближался неумолимо. И туда Марина пойдет не только без покровителя, но и без Марты, кто служанку пустит в зал? При этой мысли ноги ослабли в коленях, девушке пришлось снова глубоко вздохнуть. Что ж, все три дня она только тем и была занята, что выспра-

шивала Марту. Только вот одна беда, преданная confidentка могла что угодно рассказать о госпоже Бьянке Санвитале дома, а вот о ее поведении на балах — хрен да ни хрена. Вот и крутись, как знаешь, и некуда тебе деваться, Марина.

— Хоть тут повезло... — Марина буркнула это себе под нос и вздернула подбородок. — Тогда давай платье мерить. Если у твоей госпожи плохо с головой, пусть хоть с нарядами будет порядок...

Кареты подъезжали на площадь перед зданием ратуши одна за другой. Широкими улицы Терреччи назвать было нельзя, экипажам приходилось двигаться по одному. От дома Санвитале до главной площади города езды было с четверть часа по пустым дорогам. Но стоило добраться до выезда, как карета почти встала. Лошади топтались неспешным шагом и замирали, когда очередной кавалер с дамой высаживались у лестницы, ведущей в большое здание с круглой башней, от которой вбок отходила длинная пристройка. Там, как сказала Марта, и был парадный балльный зал.

Это оказалось, как ехать к зубному. Чем ближе был кабинет, тем слабее становились руки и ноги. В животе копился холод и противная дрожь, губы и пальцы холодели, и Марине хотелось закричать от отчаяния: «Да пустите меня туда скорее, пусть самое страшное уже начнется! И закончится поскорее!». Но время тянулось и тянулось, как размякшая под солнцем смола, и девушка все сильнее сжимала перчатки, и так уже измятые в хлам.

Наконец, экипаж остановился. Слуга в ливрее открыл снаружи дверь. Марина прикусила на секунду губу и шагнула на ступеньку, чуть приподняв подол. Каблук туфли стукнул о булыжники мостовой.

— Госпожа Бьянка Ариана Санвитале!

Она выпрямилась и сделала еще один шаг вперед, к парадной лестнице... с которой на нее смотрел высокий яркий красавец, чьи прозрачно-серые глаза лучились какой-то совершенно невозможной ненавистью.

Брезгливо скривив губы, он сверлил ее взглядом пару секунд, а после отвернулся и взбежал по лестнице.

Глава 6. Бал сплетен

Одного взгляда хватило, чтобы Марина застыла, поставив ногу на первую ступеньку. В этих глазах было столько ненависти, что она затмила даже красоту этого странного господина. А именно она поразила девушку в первую секунду. Незнакомец был высок и строен, широкие плечи и узкие бедра, явно породистое благородное лицо, волосы до плеч, черные, как ночь, дорогая одежда, сидящая по фигуре. Серебристо-серый камзол и серые, чуть темнее, штаны явно из богатого бархата, отделка кружевом и серебряным шитьем. Сапоги из тонкой мягкой кожи. Марине нетрудно было увидеть все это сразу — профессиональная деформация, что сказать.

Но этот взгляд...

Как будто она... не знаю... котенка убила на его глазах. Впрочем, здесь к этому, наверное, относятся куда проще? Что им какие-то зверушки...

А тут было настоящее, зрелое, острое и злобное чувство, какое никогда ей не встречалось раньше. Может такое быть, что здешние нравы круче и искреннее в проявлениях, чем те, среди которых она росла? Нет, в ее мире тоже случались страсти, даже приводящие к трагедиям, и не только в книжках. Но Марина даже представить себе не могла, чтобы так смотрели на нее саму.

Но стоять и думать об этом было совсем не место и не время. Она изящно приподняла подол — таким же движением, каким поднимала ее какая-то представительная дама, уже дошедшая почти до вершины лестницы, ко входу в раскрытые вызолоченные двери, — и неспешно, спокойным шагом стала подниматься ступенька за ступенькой.

Дорога оказалась вовсе не длинной, а Марине хотелось бы отсрочить вход в зал, где была толпа незнакомых, совершенно чужих людей, которые ей казались и не людьми даже, а каким-то другим видом *homo sapiens*, с другими мыслями, привычками и повадками, которых ей ни за что не угадать. А еще там был этот молодой мужчина с яростно-ненавидящим взглядом. А, может, он там еще не один такой?

Но вот мелькнула последняя ступенька, лакей в ливрее, близнец того, что стоял внизу, так же почтительно склонился, пропуская ее внутрь. «Ну, хоть поганой метлой со двора не гонят, — мелькнула коротко мысль. — Прорвемся».

Бальная зала дохнула навстречу теплым и немного спертým воздухом. В нем смешалось дыхание десятков людей, запах их тел, горячего воска, запах тканей и кожи, смесь пудры и духов. Дыхание у Марины перехватило, и не только от воздуха, но и от роскоши, тут же бросающейся в глаза. Все дамы и кавалеры были разряжены богато и даже вычурно, и на Марину накатило почти непреодолимое ощущение, что она на каком-то историческом карнавале. Только вот краски были не те, что там, дома, и лица, совсем другие лица. Она даже не смогла бы объяснить, в чем разница, но она была, явственная, такая непонятная...

Марина глубоко вздохнула и шагнула в зал, в который раз похвалив себя за то, что приказала Марте снова ослабить шнуровку. Это же ужас какой-то, как туго затягивали тут корсеты! Ни вздохнуть, ни наклониться толком, ни повернуться, как так вообще можно жить? И без шнуровки на нее вполне нормально налезла длинная белая сорочка, кажется, из тщательно отбеленного тончайшего льна, а поверх роскошное винно-бордового цвета роба. Вырез открывал высокую шею и нежную кожу декольте.

Еще дома, одеваясь, Марина перебирала их, а они винно искрились под пальцами. Гранаты? Цвет кружев, жестких от драгоценной вышивки, спорил белизной с крупными жемчужинами, усеявшими корсаж. На спине его стягивали богатые шелковые ленты. Короткие, до локтей, рукава, тоже были отделаны кружевом, но вышивка только окольцовывала плечи, как дорогие золотые браслеты, а ткань струилась мягкая и нежная, лаская предплечья и доходя

чуть не до запястий. Бархатные туфельки, выглядывавшие из-под юбки ногами, были того же оттенка, что и платье, и вторили ему вышитыми золотыми узорами.

Да, она была одета роскошно, не хуже всех этих дам, в таком же бархате и шелках! И это давало чувство уверенности, позволяло высоко вздергивать подбородок и расправлять плечи. Правда, свести их и согнуть спину все равно не позволил бы корсаж. Марина незаметно усмехнулась: вот она, причина королевской осанки.

Но стоило ей шагнуть в толпу, до танцев плавно кружившую по залу, как листья по спокойной воде, как за спиной стал ползти шепоток. От природы довольно острый, слух позволил Марине различить слова, шелестящие, как песок, который пересыпают из ладони на деревянный стол.

— Все-таки она приехала, я думала, не решится... Одна, без господина Пере...

— Боже мой, посмотри на нее! В таком состоянии — и на бал! Да это же бесстыдство!

— О, дорогая моя, я даже не поняла сначала, а ты права... Боже!

— Чего и ждать от нее...

Шепоток снесло, когда к Марине неспешно подошла молодая дама, покачивая пушистым веером из перьев.

— Добрый вечер, Бьянка, я рада, что ты приехала! Говорили, что Его Превосходительство не в городе, но я все равно надеялась увидеть тебя.

Госпожа Честа Иринари, точно. Марта смогла описать нескольких дам, с которыми дружила Бьянка. И среди них первой была вот эта — высокая и тонкая брюнетка с голубыми глазами, большим ртом и бровями немного разной высоты. Узнать такую было совсем не трудно, и девушка приветствовала ее, улыбаясь в ответ.

— Честа, я рада тебя видеть! Его Превосходительство вовсе не против моих развлечений, ты же знаешь.

Они вместе рассмеялись, помахивая веерами. Госпожа Иринари сложила веер и взмахнула им куда-то в сторону.

— Галдят, как чайки, опять. И не надоест им!

Марина оглянулась и увидела группку дам, склонивших друг к другу головы и о чем-то оживленно переговаривающихся.

— Когда человеку не о чем и нечем думать, что ему еще остается, как не обсуждать других?

Честа рассмеялась снова.

— О, моя дорогая, как верно подмечено!

Но смех ее утих до кокетливой улыбки, когда к ним приблизился кавалер в ярких чулках и парадном камзоле, чуть прикрывающем задницу.

— Госпожа Санвитале, прекрасная, не позволите ли пригласить Вас на танец?

Честа отступила, а Марина с коротким кивком и улыбкой протянула ему руку. Оркестранты подняли смычки, и полилась музыка.

Глава 7. Танцы и скандал

Как же Марине повезло, что когда-то в далеком детстве родители отправили ее учиться бальным танцам! Ей нравилась и музыка, и движение, и волна радости, которая разливалась в груди, когда получалось двигаться с партнером в такт, плавно и слаженно, это было почти возвышенное чувство гармонии. Ребенком она, конечно, ничего в этом не понимала. Но став старше, всегда вспоминала обучение с замиранием сердца. Да, собственно, и ее увлечение историей началось тогда же, после первого костюмированного выступления на выпуске в подростковой уже группе.

И вот сейчас она испытывала такое же чувство, как тогда. Это восхитительное, ладное, согласованное движение, когда каждый шаг дается не то что легко, а как в полете! Ее кавалер знал танец отлично, двигался прекрасно, и Марина полностью отдалась волнам музыки, подхватившим ее.

— Как Вы прекрасно танцуете. — Ее партнер, то приближающийся почти вплотную, то отступающий от нее, нашел момент, чтобы одарить ее восхищенной улыбкой.

— Танцы доставляют мне удовольствие, господин, — отозвалась она, почти не думая.

— И сколь милостив Его Превосходительство, что позволяет Вам его, отсутствуя в столице!

Марина чертыхнулась про себя, но ответила все так же мило:

— О да! Он чрезвычайно добр ко мне, Вы правы.

Они сделали еще пару пируэтов, снова оказавшись лицом к лицу.

— И какое счастье служить ему, не правда ли, прекрасная Бьянка?

Девушка чуть свела брови, но кивнула, соглашаясь.

— Конечно же!

— И собирает он вокруг себя лишь людей достойнейших, заслуживающих доверия, не так ли?

Марина вдруг почувствовала злость. Да что ему надо-то? Бродит вокруг да около, как козел на поводке!

— Вы хотите что-то сказать мне, господин? Говорите, я не обижаюсь на неудачно подобранные слова.

Кавалер крутанул ее вокруг себя и рассмеялся тихо.

— Вы так великодушны, о госпожа! Я был бы счастлив, если бы Вы замолвили словечко за меня перед Его Превосходительством... Я так рад буду служить ему...

Музыка закончилась торжественным аккордом, кавалер склонился в поклоне, Марина сделала реверанс.

— Возможно... Я подумаю об этом... Благодарю за танец!

По правилам, он должен был бы сопроводить даму обратно, но Марина ловко вытащила руку из его пальцев и пошла назад сама, а по дороге вдруг чуть не наткнулась на золотоволосую красавицу с неприятной усмешкой на ярких, подкрашенных губах. Та остановилась прямо перед девушкой и пропела, чуть повысив голос:

— Я рада видеть вас, дорогая. Как Ваше самочувствие?

Марина рефлекторно улыбнулась и тоже чуть наклонила голову в приветствии.

«Вы всегда держались спокойно, приветливо, но немного отстраненно», — раздался в голове голос Марты. Что ж, так и будем поступать.

— Благодарю Вас, у меня все в порядке. Надеюсь, и у Вас тоже?

Она пристойно скрестила руки на животе и сморгнула от неожиданности, когда дама широко улыбнулась, проводив ее жест взглядом.

— О да, у меня все благополучно. Правда, Господь наделяет меня иными дарами.

«Они тут все рехнулись, не иначе... — Девушка с усилием удержала улыбку на лице. — Что она за дичь несет, какие еще дары?». Вопрос уже повис у нее на кончике языка, и кто знает, что Марина сморозила бы, но тут нарядная толпа подалась в стороны, и перед ней появился тот самый молодой человек с пронзительным взглядом, которого она увидела еще на лестнице.

Тот шагнул решительно, хоть и не торопился особенно, а когда подошел, то остановился прямо перед ней. Ненависть в его глазах теперь мешалась с презрением и, как показалось Марине, со странной острой болью, словно ее вид был для него ударом под дых. Он медленно осмотрел ее от лица до рук, которые она по-прежнему держала сведенными перед собой. И проговорил напряженным, подрагивающим от возмущения и злости голосом.

— Вы все-таки явились сюда, госпожа Санвитале. Я полагал, Вашего ума хватит на то, чтобы понять: Вам не место среди приличных людей. Особенно... особенно после *этого*. — Он коротким кивком будто указал на ее грудь?.. Или живот?

Марину вдруг обдало жаром. Распущенный свободнее обычного корсет... Господи, они же думают, что она беременная! Бесстыдница, распутница! Женщины в положении сидят по домам, пока не разродятся, так, кажется, было принято?..

Но додумать ей не дал ее же язык. И как со стороны она услышала собственный голос:

— Какое право Вы имеете оскорблять меня?!

— Я?! — Сероглазый красавец задохнулся от возмущения. — Какое право имею я?! Подите вон отсюда, распутница!

Марина отшатнулась, но не отступила ни на шаг. Возмущение второй раз за вечер залило щеки краской.

— Проводите госпожу Санвитале, ей пора домой.

Кто-то подхватил ее под локоть сзади, но она отдернула руку.

— Не смейте трогать меня! Это я не желаю оставаться там, где благородные с виду господа так разговаривают с дамами!

Марина развернулась и быстро направилась к выходу.

Глава 8. Домой в слезах

За свою тридцатилетнюю жизнь Марина, как и все девушки, не раз попадала в неприятные ситуации. В детстве обиды вызывали слезы, подростком она замыкалась в себе и гордо молчала, переживая внутри, в юности научилась отбиваться острыми, ранящими словами. Ей казалось, что время слез давно прошло. Но вот она миновала лестницу, по которой, кажется, только что поднималась в бальный зал, села в карету, и лошади застучали копытами по булыжной мостовой, сначала медленно, потом быстрее. А Марина все сидела в уголке, обхватив себя руками, и чувствовала, как слезы льются и льются по щекам.

Кружева на рукавах промокли от соленых капель, она закрывала лицо руками, как будто тут кто-то мог ее увидеть. Всхлипывала в платок, который Марта подсказала ей заправить за корсаж. Сжимала ткань юбки так, словно хотела порвать. А они все капали и капали, теперь редкие, но от этого не менее горькие.

Спроси ее кто сейчас, что так задело сильную и уверенную в себе женщину в этом скандале, Марина сразу бы не сообразила. Но когда ход лошадей снова замедлился, а в окошке мелькнули знакомые уже дома на набережной, она вдруг поняла: унижение. Ее унизили, а она ничего не могла противопоставить этим людям. Она привыкла себя защищать, но как защитить себя от злобных сплетен, презрительных, любопытных, а на самом деле, равнодушных взглядов?

Ее обмануло радушие слуг — а было ли оно искренним, вот вопрос, который она себе ни разу не задавала, обманула и любезность, с которой ее встречали все мужчины, обмануло и собственное представление об этой эпохе, как о времени, когда воспевали женщину, возносили ее, как Мадонну, отдавали за нее жизни, клялись в вечной любви и соблюдали клятву...

— Какая же ты дура... — Марина всхлипнула в сотый уже раз, с бессилием, отчаянием и злостью. — Как можно быть такой идиоткой...

Ей ли, потратившей сотни часов на исторические фолианты, повествующие не только о нарядах, но и нравах, не помнить о том, сколь бесправна на самом деле здесь женщина? Как она могла забыть о том, что все и всегда тут решают мужчины? Как могла упустить из виду, что лишь благородные и благопристойные дамы, соблюдающие все законы общества, все требования, порой жесткие и даже жестокие, могут рассчитывать на защиту благородных господ и благоречие таких же благородных дам? Остальным полагалась обструкция и изгнание из общества.

— Дура-а-а...

Марина чуть не взвыла от бессилия, но тут осознала, что экипаж давно стоит на месте, у ворот ее дома. Вход для господ был здесь. С заднего же двора, где располагалась конюшня и стояла карета, предназначался для слуг. Но девушка стукнула в переднюю стенку и крикнула:

— Заезжай во двор!

Ни за что она не выйдет под взгляды случайных прохожих, которые могут увидеть госпожу Санвитале с распухшими от слез глазами! Несколько долгих секунд карета стояла, но потом тронулась с места и проехала немного вперед, а потом вглубь проулка за открывшимися воротами. Когда стук копыт снова затих, Марина открыла дверцу и сама спрыгнула на землю. Охнувший слуга не успел подать ей руку.

— Не ходите за мной!

Она быстрым шагом прошла к задней двери, ведущей в дом, и бросила одному из слуг в дверях:

— Скажите Марте, что я жду ее в своих покоях!

Почти пробегая коридорами, Марина вдруг подумала, как быстро она научилась приказывать, как естественно ждала исполнения этих приказов, как легко перестала благодарить...

Так тебе и надо! Повела себя, как здешняя принцесса-распринцесса, вот и получай! Хочешь особого отношения, чувствуешь себя хозяйкой? Да какие у тебя права-то на это?

На мгновение Марине стало отчаянно стыдно, но тут перед ней оказалась дверь хозяйских покоев, и она нырнула туда, захлопывая ее за собой и падая в кресло, снова закрываясь ладонями и разражаясь слезами, хотя, казалось, выплакала их все.

— Моя госпожа! — голос Марты был испуганным, она торопливо подбежала к креслу.

Марина услышала, как зашуршали юбки, когда девушка опустилась на пол у ее ног.

— Что с Вами, моя госпожа?! Кто посмел обидеть Вас?! Что случилось? Позвать Алессо?

Марина только представила, что сейчас сюда войдет чопорный дворецкий, и замотала головой, растрепав аккуратно уложенные локоны.

— Нет! О нет!

— Что сделать, госпожа Бьянка? Боже, чем Вам помочь?

Марина отбросила измочаленный платок и оттолкнула руку Марты, которая попыталась коснуться ее руки.

— Чем помочь? Ты спрашиваешь, чем мне помочь?! Раньше надо было помогать!

Она свернулась в кресле калачиком и сжалась, снова пряча лицо.

Глава 9. Честная куртизанка

Гвидо Brentано считал, что многое знает о жизни. Тридцать лет — половина уже прожита. Сын богатого негоцианта, получивший прекрасное образование и, что куда важнее, всегда внимательно слушавший отца и дядю, которые отлично разбирались в людях и рассказывали о случаях в своей богатой событиями жизни охотно и много, — он не мог быть глупым. Он разбирался в торговле, товарах, ценах и ставках, в банковских кредитах и договорах с купцами. Он умел ездить верхом и отлично чувствовал себя на корабле, в дальнем плавании, пару раз Гвидо доводилось путешествовать с отцом. Он был галантным кавалером и легко мог вывести любой, даже самый замысловатый пируэт.

И, конечно, Гвидо Brentано понимал девушек.

Так он думал до сих пор.

Правила приличия, в которых воспитывались юные девы его круга, да и из высшего общества, не были сложными. И все девицы, которых он встречал до сих пор, полностью соответствовали хорошо известному кодексу молодых дам. Одевайся прилично, веди себя скромно, будь приятной собеседницей, и не столь важны твои знания о высоких материях, сколь умение управлять хозяйством и вести дом. Пожалуй, и все.

А еще Гвидо знал, что от одной девицы он был готов стерпеть и излишнее любопытство, и резвость ума и речи, и острые шутки, и слишком задумчивые порой взгляды, говорящие о глубоких размышлениях, вряд ли подобающих молодой красавице на выданье.

Бьянка Ариана Санвитале. С какой нежностью он повторял про себя это имя...

Он был не просто рад, а счастлив находиться рядом с ней. Должно быть, эта близость и мешала ему рассмотреть то, что открылось так внезапно и болезненно. Ему и в голову не могло прийти, что эта семья окажется столь подлой, что ее отец поступит так низко. Выросшая в таком доме девица не могла быть чистой и незапятнанной. Поэтому ее путь после смерти Луччано Санвитале Гвидо несколько не удивил.

Будь Бьянка чиста, после той страшной истории она покинула бы дом и город, уехала туда, где никто не знал ее имени, начала бы новую жизнь, а то и ушла бы в обитель какого-нибудь святого, замаливать грехи, свои и отцовы. Но она осталась. И не просто осталась в Терречче, Бьянка не скрывалась, она не стыдилась своей крови и имени, нашла могущественного покровителя и нагло, возмутительно цвела под его защитой!

Но он, Гвидо Brentано, рано или поздно сживет эту девку со свету. Ей не место в приличном обществе, так он и сказал ей на балу в ратуше. Это было чистой правдой, в которую он верил истово.

Так почему же так больно ударили эти слова: «благородные с виду господ»? Почему так хотелось сделать шаг ближе к ней, посмотреть в глаза, схватить за руку, выкрикнуть отчаянно: «Как ты могла?!»?

Гвидо не знал. Да и не хотел этого знать.

Услышав слова Марины, Марта только руками всплеснула.

— Боже, да кто ж Вам такое сказать-то посмел?

Девушка только рукой отмахнулась, все еще пряча лицо.

— Его Превосходительство разберется с этим, когда вернется! Вы расскажете ему, он не оставит этого оскорбления безнаказанным!

Голос служанки звучал возмущенно и искренне, и Марина чуть повернулась к ней голову.

— Что можно сказать против правды?..

— Госпожа Бьянка, да где же тут правда?

Марта подскочила с пола, торопливо подбежала к столику, налила в стакан разведенного, слабого вина — Марина уже привыкала к такому питью, как к компоту, — и принесла его хозяйке. Подставила подушечку под ноги и помогла сесть удобнее, как-то ловко и почти незаметно распустив корсаж парадного платья. Насыщенный винный цвет теперь всегда будет напоминать Марине о позоре и оскорблении, которые она пережила.

— Как где правда? — говорить об этом было стыдно, но почему-то становилось легче от произнесенных слов. — У меня нет родственников мужчин, под чьей опекой я бы жила, своих денег у меня тоже нет, верно? Мне дает деньги господин Эний Пере, значит, я у него на содержании. И мы... я... сплю с ним за эти деньги...

Марина снова мучительно покраснела. Дома, читая про проституток, она не особенно задумывалась об этой стороне дела. Она вообще старалась никого не осуждать, все не без греха. Ну, выбрали люди себе вот такое дело, наверное, им нравится секс. И не так уж важно, с кем, если это профессия. Но сейчас вдруг в полной мере ощутила снова это отчаянное чувство беспомощности. Ты — вещь. Ты куплена, и тебя будут использовать, как любую другую вещь... как захотят.

Марта помолчала и присела снова у ног Марины. В ее взгляде было искреннее удивление и сожаление.

— О... Вы забыли, да? Я не благородных кровей, и мне трудно представить, что Вы тогда пережили, моя бедная госпожа...

— О чем ты вообще? — Марина сделала пару длинных глотков из стакана, и ей немного полегчало. — Что я еще забыла?

Глупый был вопрос. Она ж ничего и не знала. Но сейчас следить за словами было трудно, да и зачем? Марта ни о чем ее не спрашивала.

— Моя госпожа забыла, что она не какая-то падшая женщина, а честная куртизанка! — в голосе Марты зазвучала даже какая-то... гордость. — Это положение, которое недоступно всяким глупым женщинам, которые ничего не смыслят в искусстве и музыке, не думают о красоте и не читают книг. Вот они только и могут, что торговать собой! Вы же, госпожа, фаворитка Его Превосходительства, его спутница, женщина, которая может и не делить с ним постель... Вы сопровождаете его на приемах и балах, он любит приходить к Вам после трудного дня, любит говорить с Вами и слушать, как Вы играете на инструментах, он очень ценит Ваш ум и красоту. Ну, и какая же Вы шлюха, прости меня Господи?! Кто Вас так назвал?!

Марина слушала, не заметив, как прижимает руку к груди. Так она... честная куртизанка, а вовсе не шлюха... Тогда оскорбление, брошенное ей в лицо, еще хуже, чем она представляла...

— Я не знаю его имени.

— А как он выглядел? — Марта снова поднялась и наполнила бокал.

— Высокий, темные волосы, очень яркие глаза, серые, прозрачные... Порывистый, резкий, голос... глубокий и сильный...

Марина вспомнила этот образ, вспомнила как наяву, словно мужчина стоял перед ней. Марта помолчала и кивнула.

— Это он. Господин Гвидо Брентано. Неудивительно.... После той истории он терпеть Вас не может.

Глава 10. Та история

Будь сейчас здесь Его Превосходительство Эний Пере, наверное, лучше бы служанки просветил девушку о «той истории», которую Марта помянула. Но Марине пришлось слушать ее, слушать и изумляться. Жизнь-то и правда любому роману фору даст.

Когда-то давно, когда ни Бьянки, ни Гвидо и на свете не было, их отцы — Луччано Санвитале и Гарадо Brentано — очень дружили. Их семьи жили по соседству, не странно, что, когда появились дети, и они стали играть вместе. Правда, Гвидо был почти на десять лет старше Бьянки и служил ей скорее рыцарем, чем компаньоном, но так было лишь до той поры, пока девочка не расцвела. Малышкой она была похожа на ангела — золото волос и ясные голубые глаза, нежная улыбка и веселый нрав, она радовала всех: и семью, и гостей. Правда, когда ей было десять, госпожа Ариана, ее мама, умерла. Никаких тетушек у Бьянки не было, потому ее воспитывал с тех пор сам Луччано. А истинным другом, утешителем и защитником стал Гвидо.

Дружба отцов с годами только крепла, как и дружба детей. И в год, когда Бьянке исполнилось четырнадцать, Луччано и Гарадо решили объединить и семьи, и капиталы. Бьянка и Гвидо были обручены, а отцы организовали общее дело.

Марта путалась в этом месте, девушка не очень разбиралась в тонкостях торговли. Но с ее слов Марине удалось понять, что сложив вместе наличное золото и заняв что-то в кредит в банках, Санвитале и Brentано арендовали несколько кораблей и отправились на восток, туда, где через море и большой пролив к океану лежало несколько стран, поставлявших на запад драгоценные специи.

Марина, уже совсем успокоившаяся, чуть не рассмеялась: ну, точно, как у нас, — но, слава богу, сдержалась. Похоже, путешествие на здешний Восток было трудным, кораблей не было долго, а вести с восточных границ добирались до Терреччи не быстро. Все в доме Санвитале и Brentано переживали, ожидая хозяев, и не было предела радости, когда они наконец вернулись. Их поход оказался более, чем удачным. Само плавание было не таким уж сложным, куда тяжелее были переговоры с тамошними компаниями. Но негодьям удалось достичь прочного соглашения о поставке красного ореха, коры дерева-стрелы, дорогого перца, который не рос в этих краях, да много еще чего они привезли с собой, как образцы. Марта только головой качала, рассказывая, какая суматоха, переходящая в панику, царила в те дни на кухне, где поварахи пробовали готовить с этими диковинками и какие блюда у них выходили.

Дело росло быстро, скоро отцы Бьянки и Гвидо смогли купить два корабля, нанять верный экипаж, суда стали курсировать между Терреччей и Нирматом, самым большим торговым центром восточных земель.

— Но счастье всегда завистливым не дает покоя... Столько злословили об их богатствах... Кто-то и проклинал даже, те, кому такой удачи не выпало... — Марта глубоко вздохнула и сжала руки на переднике. — Пришло время, когда Ваш батюшка и господин Brentано поехали туда снова. Говорили, что в Нирмате стало неладно, нужно было снова договариваться, чтобы покупать. А вернулся наш господин один...

Марина посмотрела на нее внимательно.

— А господин Brentано? Там остался?

— Да в том-то, что нет... Милостивый господин Brentано скончался в Нирмате.

— Болезнь?

— Да кабы...

Марина поднялась и потянула служанку за собой, подняться и сесть в кресло рядом с ней.

— Марта, не плачь. Это уже все было, обратно не будет. Расскажи мне все, что знаешь.

Служанка закивала.

— Да, госпожа Бьянка. Только что я там знать могу... Только разговоры...

— Ну так из разговоров обычно все и узнаешь. — Марина бы сказала «в сплетнях», но решила Марту не смущать.

— Много чего говорили. Только вот, что я Вам скажу, все это напраслина была на нашего хозяина. Никогда бы он такого не сделал! И то, что потом было, ох, несправедливость одна!

Марина с терпеливым вздохом кивнула. Но Марта вроде как высказалась и продолжать не собиралась. Пришлось снова тронуть ее за рукав.

— Что он сделал? Какая несправедливость?

Служанка посмотрела на нее несчастным взглядом и прошептала:

— Говорили, что наш господин отца Гвидо убил. Потому и суд учинили. И все имущество почти отобрали. Господин наш этого позора не пережил. А господин Брентано считает, что Вы не лучше отца своего.

Марина выпрямилась в кресле.

— Я тоже кого-то убила, по его мнению?

— Ой нет, что Вы! Но помолвку разорвал и с тех пор сам не свой до того, чтобы Вас обвинять во всем. Хочет, чтобы Вы из города уехали, чтобы ни с чем остались.

— А я нашла себе покровителя... — У Марины словно пелена с глаз падала сейчас. — И в городе осталась.

— И честь отца отстоять обещали.

Девушка повернулась и посмотрела на себя в зеркало. Если и были слезы, никто бы сейчас не догадался об этом. Голубизна глаз потемнела, а мягкие губы сложились в жесткую тонкую линию.

— Честь.

— Да. Честь.

Марта гордо вскинула голову, будто о ее чести шла речь, и Марина кивнула.

Да. Только так. И пусть она совсем не готова, так и будет.

Глава 11. Как голая

Сказать это было куда легче, чем сделать. Да, Марта стала ее неразлучной тенью, от нее Марина узнавала все, что было нужно. Если служанка чего-то не знала, могла разузнать: ловкая и говорливая, приветливая и умеющая вызвать доверие, Марта была незаменима. Но и она была не всемогущей. День за днем Марине приходилось самой подмечать тысячи мелочей, импровизировать на ходу, запоминать обращения, тонкости общения — все складывалось в бесконечный поток звуков, цветов, лиц.

Хоть молодой женщине полагалось сидеть дома, Марина никак не могла с этим ни свыкнуться, ни смириться. В первый раз, когда она собралась после завтрака выйти, Марта спокойно помогла хозяйке одеться и направилась к выходу, но не на набережную, а в большой задний двор, куда выходил и широкий, просторный балкон под навесом от солнца, и вторая хозяйская дверь. Для слуг имелась отдельная, поменьше и размещенная в углу дома, совсем неприметно.

— Куда ты идешь?

Марина удивленно посмотрела на служанку, а та так же удивленно уставилась на нее.

— Вы хотели подышать воздухом, госпожа Бьянка.

— Ну, да, так куда ты идешь?

— Пока Вы одевались, на балкон вынесли столик и кресло, прикажете подать туда освежающий напиток?

Марина остановилась, почти привычно уже сложив руки спереди.

— Марта, я хочу выйти на улицу. Понимаешь? Не во двор, не на балкон, а на улицу.

— Как это?..

Марта моргала, как растерянная овца, это было смешно, но Марина сдержалась. Благородной даме не к лицу.

— В общем, смотри. — Она чуть наклонила голову в сторону, говоря спокойным и ровным голосом. — Я шагаю к дверям, вот так.

Марина сделала несколько шагов по коридору.

— Потом подхожу к двери и открываю ее.

Она и правда дошла до двери, сопровождаемая девушкой, и взялась за ручку. И повернула, толкая створку.

— Вот и все!

Но стоило Марине шагнуть на ступеньки крыльца, как Марта схватила ее и потащила обратно, а следом захлопнула дверь и взмолилась:

— Нет, госпожа, так нельзя! Прошу, не надо! Я не одета!

Марина застыла столбом, глядя на служанку во все глаза.

— Ты... одета! Посмотри, чулки, юбка, рубашка, все на месте, что ты говоришь?

— Ох, ну вот этого забыть нельзя было, госпожа...

То ли от страха, то ли от чего еще, но Марта осмелела, глаза заблестели, щеки слегка покраснели, а голос стал тише, но при этом настойчивее. Наверное, ни разу так она с Мариной не разговаривала.

— Любой девушке известно, что благородным девушкам, да и женщинам тоже, нельзя из дому без сопровождения выходить!

Марина опешила.

— Подожди, но на бал я ехала без сопровождения, я точно помню!

— Это не то, это другое! В карете же Вы были никому не видны, а что на праздник приехали одна, так это праздник, все знают, что Его Превосходительство к Вам относится так... ну, многое позволяет. Никто и слова не скажет. Да и то, видите, как все обернулось-то...

Марта осеклась, а Марина сжала губы. Да, обернулось паршиво, что говорить. Хуже некуда. Публичные скандалы никогда ничем хорошим не кончаются.

— А уж если Вы на улицу, прямо вот по мостовой туфельками шагать, так то можно только не одной, — словно пытаясь загладить неловкость, Марта затараторила быстрее.

— Ну, так оденься, и пойдешь со мной.

— Я не могу, госпожа! — в голосе служанки снова зазвучало отчаяние.

Марина почувствовала, что начинает сердиться.

— Это еще почему? У тебя одежды нет? Иди одеваться!

Марта отступила на шаг, в глазах у нее заблестели слезы.

— Госпожа Бьянка, милостивая моя, Вам нельзя без доверенного мужчины выходить, если Его Превосходительства нет в городе...

— Что за глупости!

По лицу Марты скатилась пара слезинок, и Марина, устыдившись, взяла ее за руку.

— Ну, все-все, успокойся. Неужели я никогда на улицу не выходила?

Служанка шмыгнула носом.

— Конечно, выходили, госпожа. Но тогда Вас всегда сопровождали. Ваш покойный батюшка, или господин Пере, или... господин Брентано...

— Но сейчас никто из них этого не сделает. Мне взаперти сидеть?

Марта помотала головой.

— Господин Пере дозволил Антонио Вас сопровождать.

— Антонио — это слуга, который при конюшне состоит?

Марина сразу вспомнила высокого дюжего парня с умным лицом, светловолосого, молчаливого, и одобрила выбор господина Пере. В самом деле, такой и защитит, и при нем, пожалуй, остерегутся говорить о неприличиях. Но в тот момент, когда она выходила наконец из дома в сопровождении служанки и слуги, чтобы прогуляться по набережной, ей и в голову прийти не могло, что этого мало.

Глава 12. Даже торговки не уважают

Только выйдя на улицу, Марина поняла, как засиделась в доме. Выезд в закрытой карете и один танец в ратуше были не в счет. В той, прежней жизни она обожала ходить пешком, чувствуя, как кровь разгоняется по телу, любила плавать и тренироваться в зале, и этого, оказывалось, страшно не хватало. Поэтому по привычке жительницы большого города, она решительно зашагала по булыжной мостовой к парапету набережной, и там остановилась, глядя на воду.

Река казалась серебристо-синей, вызолоченной лучами солнца лентой, выющейся между берегов. Она отражала не только солнце, но и стены домов, стоявших местами вплотную, и крыши более дальних, глубокое, сочно-синее небо и даже ее, Марину, заглянувшую в воду. В этом было что-то странно успокаивающее. Река была точно такая, как в ее мире, и отражения мерцали и двоились на мелких волнах. Вообще природа Марину всегда утешала, когда оказывалась минутка на нее полюбоваться.

Впрочем, полюбоваться можно было и из кареты. А вот ходьба там точно невозможна. И девушка так же решительно направилась по течению реки, высоко подняв голову и наслаждаясь теплом солнечных лучей. Правда, тут же остановилась, когда Марта, нагнавшая ее, зашептала сбоку:

— Госпожа, прошу Вас, не так быстро! Это... неприлично... Так могут ходить мужчины, но не Вы!

— Господи ты боже мой!

Марта вздрогнула, а Марина остановилась, подняв к небу лицо и закатив глаза.

— Я могу хоть что-то сделать так, как хочу?!

Краем глаза она увидела, как Антонио отступил в сторону, давая женщинам возможность поговорить. Телохранитель прямо! Но сейчас Марину это не волновало. Ее достали все эти условности. Правда, в глубине души ехидный голосок сказал, что терпения у нее кот наплакал. Сколько она тут, неделю, полторы? И уже готова волком взвыть!

— Конечно, госпожа Бьянка! — голос у Марты стал торопливым и немного заискивающим, что Марине совсем не понравилось. — Вы можете принимать, кого пожелаете, и заказывать обеды, и выбирать платья, и решать...

— Марта... — Марина глубоко вздохнула, стараясь прогнать раздражение. — Ты не понимаешь, о чем я говорю. Ты умная девушка, не притворяйся дурой.

Служанка помолчала. В глазах ее читалась растерянность. Марина ждала. В общем, понять, что за мысли бродили в голове служанки, было не трудно. Марина сама сейчас вдруг задумалась, а что, в сущности, вообще можно женщине в этом городе, в этой стране, да и в других тоже?

Аристократкам, наверное, позволено больше всех. Но и они не могут жить без попечения мужчины, мужа, брата, отца. Сидеть дома, обеспечивать продолжение рода и уют, ездить на балы, встречаться на приемах. А женщинам в торговых домах? Это ей положены балы, как куртизанке — Марину все же передернуло на этом слове, — остальные же гуляют на задних дворах дома, выезжают и выходят только под присмотром, на рынок? В церковь? На прогулку по торговому центру? Хорошо, если так... В каком-то смысле, жизнь служанки или простой горожанки была куда как свободнее. Но у них не было защиты от произвола мужчин, совсем никакой.

Эти мысли для женщины двадцать первого века были странными. В голове Марины они укладывались, наверное, только благодаря тому, что исторических трудов и хроник она перечитала множество. И историю знала хорошо. И даже для нее столкнуться с этим напрямую было дикостью.

Марта все молчала, и Марина решила уступить. Она протянула руку и коснулась плеча девушки.

— Ладно. На рынок девушкам ходить можно?

— Зачем, госпожа? В доме чего-то не хватает? — На лице служанки было удивление. — Только прикажите...

— Марта, я просто хочу посмотреть на рынок...

— Но Ваш наряд...

— Что?

— Он слишком хорош...

— Переодеваться не пойду!

Служанка послушно присела в полуреверансе и кивнула. Видимо, решила, что спорить дальше нет смысла. Бьянка Санвитале уперлась и теперь не столкнешь. И первая направилась в сторону рынка.

Любой средневековый город, должно быть, невелик по сравнению с мегаполисами. Ходу до центральных торговых рядов оказалось всего-то полчаса не слишком быстрым шагом. Правда, может быть, таким маленьким был только центр, куда разрешалось ходить благородным девицам? Окраины наверняка были более обширными. Но эта мысль вылетела у Марины из головы, когда она повернула за угол и увидела рынок.

Ряды, именно ряды лавок, палаток и столов с товарами начинались от небольшой площади, на которую они и вышли. Толпа бурлила тут водоворотом. Это был словно совсем другой мир, голосистый, яркий, громкий, в чем-то даже бесстыжий — в открытости чувств, может быть, Марина не понимала. Но сочные краски зелени и фруктов, тканей и украшений искрились, кажется, богаче солнца, запахи еды и специй завлекали, манили, голоса были похожи на птичий щебет, а смех — на всплески тремоло.

Марина почувствовала азарт, адреналин вдруг плеснул по венам. Ей захотелось поддернуть свою длинную юбку и кинуться к прилавкам, как изголодавшемуся шопоголику. Трогать, нюхать, рассматривать, торговаться, покупать — эти простые женские радости, здесь они были доступны!

И она шагнула в толпу. Марта следовала за ней бок о бок, прямо за их спинами высился Антонио. Марина не обращала на них внимания. На ее глазах молодая плотная девица с ярким румянцем во всю щеку с запалом торговалась за толстенького гуся, чья голова свешивалась с прилавка. Чуть дальше женщина ее прежних лет, может, немного старше, набирала в корзину зелень, отчитывая торговца и решительно откладывая не приглянувшиеся пучки. Еще секунда, и Марина сама шагнула к следующему прилавку, на котором горой лежали свежие фрукты — слава богу! — все знакомые. Оранжевые крупные апельсины! Она вдруг отчаянно захотела именно их и протянула руку, чтобы взять один... и тут же дернулась от визгливого окрика торговли:

— Не трожь, распутница! Видали?!

Народ вокруг притих, все глаза устремились на Марину.

— Видали, говорю?! Ты своими грязными руками в товар не лезь! Тварь бесстыжая, все про тебя знаем!

Толпа зашумела, собираясь кругом. Марина посмотрела на Марту и увидела в ее глазах отчаяние.

Глава 13. Свечку держала

Быть среди недружелюбной толпы, которая в любой момент может полыхнуть злобой, — хуже и не придумать. Совсем плохо было то, что, обычно говорливая, Марта сейчас чуть не сжалась, готовая спрятаться за спиной Марины. И Антонио, стоявший прямо за спиной хозяйки, вряд ли кинется спорить с базарной бабой, а именно так Марина и назвала бы эту пышнотелую, дебелую даже бабу, упершую руки в бока и уставившуюся на нее злобным взглядом.

— А что ты смотришь? Что смотришь-то?

Голос у торговки был визгливым и настырным, будто ввинчивавшимся в мозг. Марина никогда не знала, как отвечать хамам, стараясь сбежать подальше. Только нервы портить. Но, кажется, такой опции тут предусмотрено не было. Толпа становилась только плотнее. Поэтому она чуть наклонила голову набок и тоже посмотрела торговке в лицо.

— И что такого в моих руках, что ты горланишь, как будто тебе петуха под юбку пустили?

Вообще-то она переложила на приличный язык «как будто у тебя задница пригорела», но здешний люд, похоже, уловил что-то другое, потому что по рядам побежали смешки, а когда кому-то из второго ряда донесли ее слова, так и вовсе раздался гогочущий смех.

— А вот как бы и поймала она тебя, Косая!

Марина бросила взгляд на лицо торговки. Та и впрямь оказалась косящей на один глаз, и от этих слов покраснела, как свекла.

— Ты что несешь, бесстыжая?! Это мне-то петуха пустили? Себе под юбку давно смотрела?

Марина скривила губы, вдруг подумав, что так же брезгливо кривил их на лестнице в ратушу Гвидо Brentano... Но тут было не до дум о бывшем женихе.

— А я своих юбок нигде не раскидываю, мне под них заглядывать нечего. Лишнего ничего не найду.

— Да? — голос Косой взлетел еще выше и стал громче. — Ты думаешь, заперлась в своем дому, так никто про тебя ничего не помнит? Лишнего она не найдет! Глянь, смелая какая! Будто никто не помнит, как быстро нашла, к кому в постель прыгнуть, как только отца схоронила.

Марину передернуло. И странно, не только от того, что ее снова называли шлюхой. Почему-то то, что торговка припомнила и Луччано Санвитале, полоснуло болезненно, словно и Марине он был не чужой. Но отрицание тут ничем не поможет. Марина вдруг вспомнила, как ей советовал один из приятелей: «Маришка, хам не любит нарываться на хама. Жги в лоб, а там разберешься!».

— Ну, каждый торгует, чем может. Тебе-то такое покровительство не светит, ты-то на себя ведь тоже смотришь, да?

Торговка чуть не подпрыгнула на месте, зашипев змеей.

Народ вокруг, кажется, развеселился. Марина слышала и смешки, и подначки, и обрывки каких-то историй об этой самой Косой. Тревога больше не накатывала так отчаянно, страх отступил. Она выбрала правильно, бей первым.

— Ну, бесстыжая, я за своего отца никогда не краснела. Вором его никто не называл! А ты сама, небось, воровка, яблоко-то от яблони недалеко падает, глянь, люди добрые, или я неправа?

Антонио за спиной Марины напрягся всем телом. Оскорбление хозяина, оскорбление хозяйки — позор на дом. Но он никак не мог решиться, не хватать же дурную бабу за шею толстую, не душить же.

— Придержи свой язык гнусный, а то оторву, — пробасил Антонио внятно и громко.

Толпа загомонила вразнобой. Марина старалась стоять все так же свободно и невозмутимо, но в который уже раз волна холода, который был страхом, прокатилась от макушки до пяток. Так ее отец был вором?..

— А как ни крути, Косая-то права!

— Когда она там права бывает?

— Дура баба, но знает, о чем говорит!

— Откуда она знать это может? Свечку держала, когда мешок с деньгами развязывали?

Голоса перекликались, как на птичьем базаре. Марта жалась под боком, и Марина решила, что зря она вообще ее с собой взяла.

— А оттуда и знаю! — снова заверещала громко торговка. — Кого этот ее отец-то ограбил? Благородных людей, господ Brentano! Сам старший его сынок-то и говорил!

— Ты там стояла, что ли? Тебе он рассказывал?

— Да ладно там, слухами земля полнится, нешто кто спорить станет? Украл, значит, раз говорят! Ворье и есть!

Для Марины на миг все словно замерло, а потом Антонио бросился в толпу, налетая на мужика, выкрикнувшего последнюю фразу, сбивая того с ног и валясь на мостовую. Грянул свист, Марина пихнула Марту в бок.

— За стражей беги, живо!

Служанка, получив приказ, бросилась в толпу, распихивая всех локтями, но стражники и так уже спешили на драку, гремя оружием и выкрикивая угрозы мешавшим.

Глава 14. Предательство

Вид на город всегда успокаивал Гвидо Брентано. Даже сейчас, когда он больше не жил в старом доме, а сменил его на спальню, гостиную и кабинет на втором этаже над конторой.

Он рос в семье, которая могла позволить себе дом в три этажа. С его крыши мальчишкой он обожал смотреть на закат. Терречча была большой, просторной, кварталы — от самых богатых, в центре, до самых серых и бедных, на окраине, расстилались широко. Но если башня ратуши всегда сияла яркой черепичной крышей, как и соборы — облицовкой с золочением, то самые дальние улицы были в солнечном свете неприметными и невзрачными. Но то же самое солнце на закате раскрашивал даже их в пурпур и багрянец, золотил лачуги и маленькие церквушки, заливал всю Терреччу благодным мягким золотым светом.

Это очаровывало мальчика, и он бегал туда, несмотря на то, что мать и отец ругались, и порой влетало и ремнем. В Гвидо всегда жила тяга к прекрасному.

А прекрасного вокруг было много. Он рос в достатке, носил одежду, которую ему шили те же портные, что и родителям. Ткани покупали и на него, костюмы маленького Гвидо были из бархата и шелка, сапоги — из хорошей кожи, маленький кинжал, который подарил ему отец, — из хорошей стали. Старший Брентано продавал самые разные товары, и Гвидо ребенком только сидел в лавке и смотрел восхищенно на это богатство, перебирал отрезы тонкого, переливающегося шелка, гладил длинные перья для шляп, примерял на себя кожаные пояса, оборачиваясь ими по два раза. А подростком уже учился разбираться в качестве, стоимости, спросе и расходах.

Отец. Он был для мальчика кумиром. Спокойный и рассудительный в обычной жизни, в торговле он был острым на ум, цепким на хорошие предложения, скорым на решения. В своей профессии господин Гарадо был мастером, и дом его все богател.

Когда же пришла пора юношества, Гвидо открылась еще одна сторона красоты — красота женщины.

Нет, он понимал, конечно, как красива его мама. Сочные цвета платьев — Мериде Брентано невероятно шли оттенки сине-зеленого шелка, который переливался, как воды моря и так же невероятно оттенял ее глаза, — украшали ее, делая драгоценной статуэткой. Кружева не могли поспорить с белизной ее кожи, перстни искрились на тонких пальцах. Лицо, обрамленное темными волосами, казалось ликом Святой Девы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.